

окружении, например, русские старообрядцы, живущие в эмиграции в Южной и Северной Америке. Другой важный аспект – это анклавные культуры в славянском окружении, например, культура украинцев, проживающих в Белгородской и Саратовской областях России. Наконец, это фольклор и этнография на пограничье славянских этнических культур, в частности русско-белорусское пограничье.

К. В. Бабковская¹

*Муниципальное бюджетное образовательное учреждение
“Центр дополнительного образования детей и досуга
“Затверецкий”»*

НАРОДНЫЕ КУКЛЫ УДМУРТИИ. ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКСПЕДИЦИИ

В 2017 г. была проведена экспедиция в отдельные населенные пункты Якшур-бодьинского и Юкаменского районов, расположенные соответственно в центральной и северо-западной частях Удмуртии и населенные финно-угорскими народностями – удмуртами и бесермянами. Была записана информация о куклах *мунё*, что по-удмуртски означает ‘земляная кукла’. Земляной она называется потому, что голова куклы нередко заполняется грунтом. Конструкция же представляет собой простую скрутку из тканей, иногда из растений (подорожника, мать-и-мачехи, льна), широко известную по всей России.

В качестве наименования бесермянской куклы в литературе упоминается слово *бабай*. Однако материалы экспедиция к бесермянам не подтверждают эту информацию, бесермянки называют своих кукол-скруток на русский манер *кукля* и изготавливают скруток схожим с общерусскими куклами образом.

¹ Ксения Викторовна Бабковская – кандидат филологических наук, руководитель коллектива «Русская старина» МБОУ ЦДОД и Д «Затверецкий» (Тверь)

Мунё встречаются игровые, обрядовые, обереговые. По сведениям, записанным от информантов, лица рисовали только игровым куклам, а обереговым и обрядовым – нет, так как это представляло угрозу здоровью и судьбе владельца.

Под игровой мунё подразумевалась кукла, в которую в основном играли девочки.

Обереговых кукол делали на свадьбу. Больших кукол молодоженов изготавливали подружки невесты и на второй день свадьбы тайком клали их на кровать супругам, кроме того, изготавливали куколок маленьких детей от двух до пяти штук. Этот обряд сопровождался пожеланиями, «чтобы жили счастливо, детки были хорошие, здоровые». Кукол ставили в красный угол под образа и хранили «будто своих детей», а когда рождались дети, их прятали, и вновь показывали, только когда дети выросли.

В ряде случаев удмуртские обрядовые куклы использовались при лечении болезней, но также и при наведении порчи. Удмуртские врачеватели для излечения больного иногда делали куклу-треногу из сосновой или еловой ветки с тремя разветвлениями. На основу надевалось платье, делалась тряпичная голова и руки. Изготовленная кукла непременно участвовала в обряде, который включал в себя всевозможные ритуальные действия и приговоры. Кукол порчи делали колдуны по просьбам обратившихся к ним людей, чаще всего в случаях супружеской измены. В магических приговорах использовалась обценная лексика.

Таким образом, удмуртские и бесермянские куклы по конструкции практически не отличаются от общерусских, но наименование и функциональная нагрузка их имеет национальный колорит. Аналогичные явления мы видели и при описании кукол карельского населения Тверской области, где кукла называется по-карельски муччо, а по технике изготовления ничем не отличается от общерусской [Бабковская, 2015].